

TASHIR

О ней принято говорить: «Дочь Самвела Карапетяна, 29-го в списке Forbes». И это факт, но лишь один из ее биографии. Интервью Forbes Life с Татой Карапетян, первым вице-президентом группы компаний «Ташир» и меценатом — о бунте, идентичности и ценностях новых «наследников». Назначать интервью в Гайд-парке даже летом — рискованная затея. Прогноз обещал рекордные +28, но ведь именно британская природная непредсказуемость сформировала знаменитый характер этой страны. За пять часов разговора с Татой Карапетян (которая в Лондоне не впервые, поэтому предусмотрительно захватила жакет) жара несколько раз сменилась ледяным ветром, солнце — дождем, а китайские туристы — испанскими. И только памятник королеве Виктории невозмутим и неподвижен — он видел слишком много смен власти, поколений и погоды. «Многие мечтают изобрести машину времени, — оглядывается вокруг Тата. — Вот же она, та самая машина времени. Ты приходишь сюда — и переносишься в другую эпоху просто благодаря энергетике места. Мы сидим здесь сейчас, в 2019 году, а представляете, сколько всего тут происходило, какие люди проходили по этим улочкам, сидели на этой траве и сколько всего здесь было? У меня мурашки по коже». Что ж, окрестности королевского замка — идеальный интерьер для разговора о том, как передаются ценности в большой семье.

Семья и сепарация

Тата, вы ощущаете принадлежность к своей семье и своей нации как некий недвижимый столб? И удастся ли вокруг него насаждать какие-то новые смыслы?

Абсолютно. Я бы сказала, что моя национальная принадлежность, устои и правила нашей семьи — тот самый фундамент, который закладывался в меня и моих братьев с рождения. Когда тебя с детства учат быть надежным, стабильным, преданным своей семье, стране, на такую базу гораздо проще насаживать новые смыслы. Самое классное — это пробовать и не бояться, не ставить себе никаких ограничений. Мое отчасти ультраконсервативное армянское воспитание сочеталось с невероятно мудрой позицией моих родителей, согласно которой мой кругозор должен быть широким.

А были ситуации, когда ваша принадлежность новому поколению вступала в противоречие с тем, чему вас учили с детства?

Нет. Нет ничего уникального в тех ценностях, которые в меня закладывала моя семья. Родители вложили в нас столько потенциала, времени и любви, что нет такой суммы или материальной ценности, которая могла бы с этим сравниться. Меня учили быть надежной, преданной, ответственной, что нельзя обманывать. Это основа. Просто кто-то эту базу «отодвигает» в те моменты, когда она становится не очень удобной. Но мой отец научил меня быть такой 24 часа в сутки, всю жизнь и не отходить от принципов, как бы велико ни было искушение. Знаете, ведь быть слабым всегда проще: можно уйти от ответственности, не приложить достаточно сил, можно в конце концов испугаться. А конфликт поколений — история не эксклюзивная, и возникла она задолго до нашего с вами появления на свет.

Вы помните какой-то момент в своей жизни, когда вы ощутили «удельный вес» своей фамилии?

Гордость за фамилию я определенно почувствовала еще в детстве. Вы же знаете, что мы, армяне, редко перемещаемся поодиночке: мы если переезжаем, то сразу все вместе; отец умел объединять людей — качество лидера. Я с детства смотрю на него не только как отца. Это человек, создающий реальные ценности, созидатель, который дает рабочие места огромному количеству людей и несет за них ответственность. Как это не уважать?

TASHIR

Когда мы переехали в Калугу, трудностей хватало, но отцу удалось создать свой мир, свой круг, где под его началом стали объединяться люди. Тогда уже все хорошо знали, что «Карапетян» — это стабильность. А это было важно в непростые девяностые. Сегодня фамилия для меня — это большая ответственность в первую очередь, во вторую — уже все остальное.

Мы сидим рядом с Кенсингтонским дворцом. В королевской семье можно быть как принц Уильям, а можно — как Гарри. Можно идти по намеченной тебе линии, а можно быть летчиком-бунтарем и жениться на Меган Маркл. У вас никогда не было бунта?

Бунт, конечно, есть. Но здесь надо разобраться, что такое бунт. Конечно, вначале было большое искушение идти вне намеченной линии и делать что-то абсолютно свое. Но скоро стало понятно, что отрицать свои стартовые возможности глупо. Бунтовать против всего этого — это значит не ценить титанический труд отца, который столько лет упорно выстраивал всю эту систему координат. А что касается поколенческого бунта, то он у нас был. Если ребенок делает что-то не так, ему надо сказать: «Ты поранишься» или «Это нехорошо». При этом надо дать ему возможность попробовать, чтобы второй раз он этого не делал. Вот папа всегда давал мне «трогать горячее». А ваше решение уехать учиться в Лондон — это бунт?

Это бунт. Но мне хватило пяти минут, чтобы понять, насколько в отцовском понимании мой шаг был бунтом. Но потом я ему объяснила: ты же привык мне в работе доверять, доверься и здесь. И он согласился. Ведь это была моя мечта, и я решила ее реализовывать.

Сейчас прохожу курс по поведенческой экономике в LSE (London School of Economics), это одно из самых актуальных направлений в современной экономической теории. Учиться очень интересно, но, признаюсь честно, нелегко, тем более что мне приходится совмещать учебу с работой. Вчера сдавали первые экзамены, я получила наивысший балл. Это фантастическое чувство! И не потому только, что я почувствовала в себе тот самый студенческий запал, но и потому, что эту оценку и признание преподавателей получила я, Тата, потому что училась, старалась, сидела в библиотеке, а не потому, что у меня фамилия Карапетян.

Если говорить глобально, то люди часто путают два понятия: сепарацию от родителей и отчуждение. Бунтуй не бунтуй, но в нашей семье последнее просто невозможно. А ту настоящую самостоятельность я начала ощущать года два назад, когда почувствовала, что морально, ментально уже готова взять на себя ответственность за каждое свое действие. В отношении работы меня этому учили с детства.

Битва за авторитет

А как эта сепарация происходила в работе?

Когда я начала работать в «Ташире», там был абсолютный патриархат. Если кто-то думает, что я пришла в компанию отца и меня там радостно приняли, это большое заблуждение. Наоборот, была долгая борьба за признание меня как профессионала и равноценную коллегу. В компанию я пришла очень революционно настроенная. Мне казалось, что это все мое, так мне рассказывали с детства. А в реальности пришлось столкнуться с другим отношением. Я оказалась в давно выстроенной системе, где меня совсем не ждали. Многие думали: «Она молодая, еще зеленая». И началась борьба. Иногда доходило до абсурда! Но я четко понимала, что нужно время и упорная работа. И я очень благодарна одному из наших опытейших вице-президентов, который взял меня под свое крыло и многому научил и направлял меня в первое время. Ведь права на ошибку у меня нет, я же дочь своего отца.

TASHIR

Невозможно выиграть такую войну, будучи тихой и скромной девочкой. Революционеру нужен стальной характер. Вы помните тот момент, когда начали открывать в себе качества управленца?

Мне очень повезло — у меня это случилось в определенном возрасте. Мне было 20 лет, когда я только закончила университет и пришла работать в «Ташир». Во мне был юношеский максимализм и бешеная энергия. Это еще не настоящий «ты», впереди возможности, которые ты либо используешь, либо даже не заметишь. Драйва больше, чем знаний и опыта. В голове: «Я сейчас переверну мир». Сейчас я, конечно, совсем другая. И здорово, что у меня этот драйв был именно в начале карьеры. На этой волне я смогла сделать революционные шаги, ломающие сознание многих консерваторов в «Ташире», да еще и принести что-то новое в структуру, которая, как локомотив, шла вперед — и просто не успевала заниматься визуальной частью и маркетингом. В силу возраста я отлично разбиралась в социальных сетях, диджитале. Понимала, что мы все равно уйдем в мир онлайн. Наш топ-менеджмент завоевывал рынки, им было некогда. Когда я приходила и говорила, что нам нужен ребрендинг и рестайлинг, они отмахивались: мы тут серьезными вещами занимаемся. У меня даже образовался комплекс. Как это: мужчины в нашей компании занимаются серьезными вещами, а я чем занимаюсь тогда? А потом поняла: «Я же женщина! И должна что-то женское привнести в эту историю, порядок навести и красоту».

Сегодня зона ответственности гораздо шире, моя основная работа — это антикризисное управление активами группы. Раньше я была более статичным управленцем, который отвечал за развитие того или иного отдельно взятого направления. Теперь я стала применять мультифункциональный подход и заниматься всеми направлениями деятельности: от энергетики и строительства до маркетинга и кинобизнеса. Мне очень нравится то, чем я сейчас занимаюсь.

Чисто гипотетически вы можете представить себе, что настанет день, когда вы захотите делать что-то абсолютно отдельное от компании отца?

Мы уже делаем! Президент нашей компании никак нас не сковывает в наших проектах. У нас очень много стартапов, например SaveTime. Это была идея моего старшего брата — он хотел создать востребованный онлайн-сервис. И сделал. Это сервис доставки продуктов, его отличие в том, что доставка осуществляется в тот же день от 60 минут. А начиналось все просто: у Саркиса появилась идея, он разработал бизнес-план и пришел к отцу. Папу это убедило, и проект стартовал. На сегодняшний день это отдельный очень успешный бизнес со своей командой.

Учась в Лондоне, как вы оцениваете то, чем вы занимаетесь в российской индустрии развлечений и кино? Насколько это релевантно мировым трендам?

У нас все-таки разный менталитет. И разное отношение к вопросу обустройства городского пространства. Например, если мы говорим про вечную борьбу онлайн и офлайн, в России, на мой взгляд, люди предпочитают первое. Здесь, в Лондоне, я заметила, что люди не настолько заиклены на потреблении контента в интернете. Нельзя не учитывать географические факторы, но европейцы гораздо больше за живое общение. В Европе инфраструктура города выстроена так, что хочется быть на улице гораздо чаще: погодные условия и городская среда влияют на образ жизни. До недавних пор Москва не была для этого приспособлена. Город серьезно поменялся за последние несколько лет, у нас тоже появляется культура времяпрепровождения outdoor. Посмотрите на те же Патриаршие и что с ними стало! Москва наполнилась смысловыми пространствами. Появились места, где хочется проводить время, огромное количество культурных и развлекательных проектов. Я думаю, что глобально мы движемся к ситуации, которая приведет нас обратно в офлайн.

TASHIR

В регионах ситуация немного иная. Из-за не всегда достаточно развитой городской досуговой инфраструктуры и климатических условий люди больше времени вынуждены проводить дома. Поэтому сегодня мы создаем не просто торговые центры или кинотеатры, а инфраструктурные центры, комплексные пространства, где есть все опции досуга, а также спорта и обучения. То, что здесь, в Британии, называют edutainment.

Должны ли там быть интеллектуальные развлечения? Например, даже в Москве кино с субтитрами показывают в двух с половиной кинотеатрах в центре. С авторским кино тоже все сложно в спальных районах. Бизнес диктует свои условия. С точки зрения эффективности бизнеса ставить кино на языке оригинала в районном кинотеатре просто неразумно, потому что не заполнится зал. Когда мы говорим о кинобизнесе, подразумеваем массового потребителя. Фильм на иностранном языке — это все же «альтернативка». Запрос на интеллектуальность — это не массовая штука. Если говорить глобально, то начинать надо с образования. Я вижу здесь, в Британии, вообще все упирается в образование. «Почему безработица в Испании?» — «Education!»; «Почему Brexit?» — «Education!»; «Почему Трамп?» — «Education!». Занимайтесь образованием, и будет расти уровень жизни людей. А потом они начнут просить кино с субтитрами.

Форбсхи и форбсята

Вас не раздражают стереотипы о наследниках участников списка Forbes как о золотой молодежи, которая бессмысленно тратит деньги родителей?

Вы знаете, что нас называют «форбсята» и «форбсхи»? Это очень смешно, но я не очень понимаю, откуда этот пристальный интерес. Стереотипы, которые выстраиваются вокруг той или иной персоны, — это еще глобальный вопрос современных соцсетей. Я иногда читаю комментарии под статьями обо мне — стараюсь смотреть на это как бы со стороны. Людям действительно кажется, что, если у тебя есть деньги, какие-то жизненные неудачи ты переживаешь проще. А еще они полагают, что имеют полное право считать свое мнение о тебе, сформированное в соцсетях, единственно верным. На самом деле все гораздо сложнее и вопрос «наследников» не всегда лежит в материальной плоскости. Суть в том, что родители не уделяют достаточно времени своим детям, зачастую отправляют их учиться за границу совсем маленькими. Потом удивляются, что дети, оказывается, не разделяют их ценностей и вообще глубоко душевно травмированы. А на самом деле им было нужно элементарное общение с родителями. С нами, кстати, много занимались с малых лет, так что избалованными «наследниками» мы никогда не были.

У вас активный инстаграм, вы можете так или иначе влиять на это мнение. Вам не хочется разрушить этот стереотип своим примером?

Я не считаю нужным доказывать людям в интернете, какая я на самом деле. Кстати, мне не очень нравится писать в инстаграме про свою работу. Хотя, возможно, я могу вдохновить кого-нибудь найти свое призвание, потому что мой внутренний двигатель просто не позволяет мне сидеть дома и, как вы говорите, «тратить деньги родителей». Если я могу изменить хоть что-то в этом мире, почему бы это не сделать? Для меня это вопрос рациональный. Если я буду рассказывать о работе в соцсетях, то вырастут ли от этого наши продажи? Нет. Что мне это даст, кроме удовлетворения личного эго? Ничего. От того, что кто-то напишет «она дочка богатого папы, которая ничего не делает», в моей жизни что-то поменяется? Тоже нет.

А поколенческую разницу вы чувствуете? В отношении к деньгам, ценностям?

TASHIR

Сейчас принято говорить про миллениалов, и именно так я себя и ощущаю. Мне кажется очень ценным, что наше поколение родилось еще в то время, когда не было, например, такой мобильности во всех смыслах. Где самой крутой технологией была приставка Nintendo. Это позволяет мне ценить то, что мы имеем сегодня, — эту свободу общения и передвижения, открытость миру и проникновение технологий во все области жизни. Где бы я ни жила, я все равно ощущаю себя человеком мира. Мы — уникальное поколение, которое стало очевидцем глобального скачка на стыке веков и ценит достижения современного мира. Какими вырастут наши дети — большой вопрос, они родились уже с телефонами в руках. В последнее время я особенно остро чувствую, что люди по-другому относятся к деньгам, к потреблению. Прошли времена, когда люди кичились материальным достатком. Сегодня важно, на что способен ты сам, как меняешь мир. Эти ценности для меня сегодня, как представителя поколения миллениалов, основополагающие.

